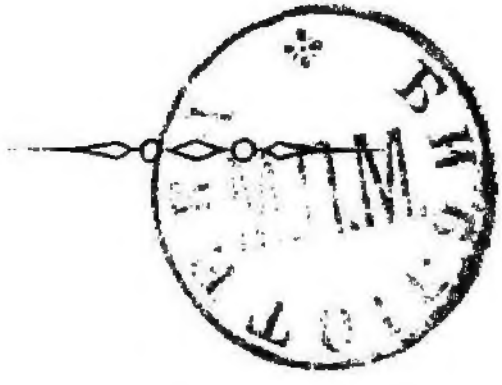
Д 244
4 99

К. Случевскій.

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.



МОСКВА.
Университетская типогр., Страстн. бул.
1891.

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

Трудно, очень трудно сказать что-либо новое о величайшей святынѣ русской земли, о Троице Сергіевой Лаврѣ. Но, отъ поры до времени, отваживаться на повторенія слѣдуетъ. Вопервыхъ, все то, что когда-то сказано о Лаврѣ Карамзинымъ, Снегиревымъ, Шевыревымъ, Муравьевымъ, Горскимъ и другими писателями, вовсе не было прочитано многими людьми по нѣсколькимъ, часто неуважительнымъ, причинамъ; во вторыхъ, потому, что есть цѣлый рядъ такихъ историческихъ событій, такихъ памятниковъ искусствъ, такихъ отдѣловъ знаній, которые, въ силу того, что они какъ бы извѣстны всякому, остаются именно поэтому неизвѣстными или, лучше сказать, забытыми. Напоминаніе въ по-

добномъ случаѣ—совершенная необходимость, оправдывающая желаніе сдѣлать очеркъ, чего же: Троице-Сергіевой Лавры и ея былаго?

Извѣстный писатель-паломникъ Муравьевъ, талантливость и заслуги котораго въ описаніяхъ русской святыни къ несчастію забываются, начинаетъ свое описаніе Лавры съ лунной ночи: старцы на молитвѣ еще стоятъ въ келліяхъ, несется ароматный запахъ отъ скошеннаго сѣна, золотятся въ мѣсячномъ свѣтѣ маковки храмовъ и слышится порою крикъ ворона, бьющаго крыломъ въ желѣзную крышу древней башни. Шевыревъ, по преимуществу ученый профессоръ, подъѣзжалъ къ Лаврѣ яснымъ вечеромъ, причемъ надъ Лаврой сіяла радуга; въ Москвѣ, замѣчаетъ онъ, радуга ломается о верхи колоколенъ, въ Лаврѣ въ лучахъ заходившаго солнца, оба конца ея упирались въ чистое поле и ярко горѣли всѣ ея семь цвѣтовъ. Снегиревъ писатель гораздо болѣе сдержанный, начинаетъ съ перечня того, какъ, отъ XII вѣка, начиная съ игумена Даніила и полоцкой княжны Евфросиніи, многіе русскіе люди ходили на поклоненіе святынѣ вообще и Сергіевой въ особен-

ности, и даетъ много цѣнныхъ историческихъ указаній о пути между Москвой и Лаврой, совершавшемся въ тѣ дни пѣшкомъ или на долгихъ, пути почти не существующемъ сегодня, благодаря желѣзной дорогѣ.

Эти снегиревскія указанія крайне любопытны и свидѣтельствуютъ очень наглядно о томъ, какъ быстро свѣваетъ у насъ время историческіе памятники еще очень близкаго былаго и то, что, въ концѣ концовъ, прочнѣе всего сохраняются они, все-таки, въ письменномъ и изустномъ словѣ, какъ бы въ насмѣшку надъ камнемъ, желѣзомъ и бронзой.

Всѣ московскіе патріархи и нѣкоторые другіе святители далекаго востока и почти всѣ Великіе Князья, Цари и Императоры посѣщали Сергіеву обитель именно этою дорогой отъ Москвы на села Алексѣевское, Танинское, Мытищи, Хотьковъ монастырь, Радонежъ. Путешествія Царей назывались «Троицкими походами»; церемоніалъ ихъ бывалъ великолѣпенъ и часто, по примѣру св. Сергія «никогда не ѣздившаго на конѣ», совершались эти походы «пѣшкомъ». По пути стояли въ пяти мѣстахъ великолѣпные «путевые дворцы», въ

трехъ мѣстахъ имѣлись «станы въ шатрахъ» и, кромѣ того, устраивались «слазки», въ которыхъ выходили изъ каретъ, возковъ и колымагъ для переодѣванія. О подобномъ путешествіи Царя оповѣщались задолго впередъ Лавра и попутныя къ ней мѣста; игумну съ братіей писали: «его величества пришествіе къ нимъ будетъ». Шествіе растягивалось очень длинной вереницей. Шли и ѣхали на коняхъ стрѣльцы и пушкари, скороходы, бояре, дворяне, спальники, стряпчіе и другіе; за Царевымъ поѣздомъ слѣдовалъ не менѣе пышный Царицынъ; возки и телѣги имѣли особыя назначенія: «образной» съ образами для Царскаго моленія, «постельной» съ путною Царскою постелью, «портомойной» съ бѣльемъ; въ особую «поборную» телѣгу складывались подносимыя Государю дорогой вещи; особый «укладничій» смотрѣлъ за укладываніемъ вещей. Походы Царскіе совершались очень медленно, «со всею прохладою»; по пути раздавали милостыню; во многихъ мѣстахъ дороги существовали «блинны», причемъ блины, уничтоженіе которыхъ искони соединялось у насъ съ помин-

ками, многократно подносились по пути также и странствовавшимъ Державцамъ.

Отъ «путевыхъ дворцовъ» въ настоящее время нѣтъ почти и слѣдовъ. Такъ, въ селѣ Алексѣевскомъ, дворецъ еще высился, но уже разрушался, въ началѣ XIX вѣка и былъ осмотрѣнъ Карамзинымъ: «Потолки и стѣны были обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены земляной краской». Другой путевой дворецъ стоялъ въ Танинскомъ, надъ Яузой и его нашелъ Карамзинъ тоже разрушившимся; этотъ дворецъ, пишетъ онъ, построила Императрица Елисавета Петровна, подлѣ развалинъ бывшаго дворца Царя Алексѣя Михайловича; тутъ разстилался роскошный паркъ съ прудами. Здѣсь же, въ Танинскомъ, своевременно укрылся Іоаннъ Грозный съ Царицей и Царевнами, когда выяснилась измѣна Курбскаго и замыслы Сигизмунда; тутъ же Царь Борисъ давалъ богатые обѣды своимъ ближнимъ; свиданіе Царицы Маріи со Лжедимитріемъ имѣло мѣсто здѣсь же и, вслѣдъ за этимъ свиданіемъ, признала она его своимъ

сыномъ. Стояли въ Братовщинѣ, быстро уступая мѣста одинъ другому, дворцы Алексѣя Михайловича, Елисаветы Петровны, Екатерины II; имѣлся дворецъ въ Воздвиженскомъ, до котораго въ 1689 году доѣхала виновная Царевна Софія съ сестрами и иконой Спасителя, тщетно ходатайствуя, чтобы Царственные братья пустили ее въ Троицкій монастырь: ей было отказано; въ этомъ же селѣ казнены Хованскіе, отецъ и сынъ. Какихъ нѣтъ на троицкомъ пути воспоминаній! этою дорогой перевезены своевременно изъ Соловокъ мощи Св. митрополита Филиппа и тѣло патріарха Никона съ Бѣлоозера; здѣсь направлялись изъ Москвы, для новыхъ, третьихъ похоронъ, останки Годуновыхъ; тутъ, наконецъ, совершались судьбы лихолѣтія и стучала боевая, возникавшая изъ гибели и срама жизнь Державной Россіи.

Теперь всѣхъ перечисленныхъ историческихъ мѣстъ едва-едва касается путешественникъ, проскользающій отъ Москвы къ Сергіеву посаду въ два часа времени; имена четырехъ желѣзнодорожныхъ станцій, для большинства, совершенно нѣмы, а про сосѣд-

нія съ ними мѣста нечего и говорить. Вотъ хоть бы станція Мытищи: тутъ родина рѣки Яузы и здѣсь молнія, ударивъ въ 1779 году въ болото, открыла ключи «громовой святой» воды, и Екатерина II поручила генералу Бауру устройство знаменитаго московскаго водопровода; до сюда только доходили въ 1812 году французы, не осмѣлившіеся идти далѣе на Лавру, потому что, какъ говорилъ народъ, «Св. Сергій ослѣпилъ ихъ»; замѣчательно, что Императрица Елисавета, которой это село принадлежало, сама защищала въ сенатѣ дѣло одного изъ здѣшнихъ своихъ служащихъ. Въ Пушкинѣ, вторая станція, существовалъ сельскій патріаршій дворъ съ хоромами; четвертая станція это Хотьково съ историческимъ монастыремъ, въ которомъ почиваютъ родители Сергіевы, схимонахъ Кириллъ и схимонахиня Марія, когда-то киновія, обитель чернецовъ и черницъ, съ древнѣйшею во всей Россіи, по словамъ Снегирева, церковью Покрова Богородицы, основанною въ 1309 году. Петръ I, посѣтивъ Хотьковъ, увидѣлъ тамъ много досужихъ крылошанокъ, бѣлицъ и послушницъ и выписалъ изъ Голландіи мастерицъ

тонкой пряжи, для ихъ обученія; пряжи эти составляютъ и сегодня предметъ келейной ихъ работы; Императрица Елисавета взяла къ себѣ одну изъ здѣшнихъ крылошанокъ, Мареу, сѣнною дѣвушкой, а затѣмъ приставила ее мамушкой къ Цесаревичу Павлу Петровичу. Мѣстные мальчишки собираютъ, какъ говорятъ, и сегодня милостынку «на башмачки» спящимъ во гробахъ родителямъ Сергіевымъ, яко-бы шествующимъ иногда отсюда въ Лавру на поклоненіе мощамъ своего знаменитаго сына. Какое милое, полное внутренней красоты повѣріе.

Все, что перечислено нами, составляетъ, конечно, только малую долю того, что могла бы разсказать исторія и легенда о мѣстности между Москвой и Сергіевымъ, мѣстности столько разъ исхоженной Св. Сергіемъ, основавшимъ достославную обитель. Путникъ, за шумомъ и быстротой поѣзда, не услышитъ по сторонамъ пути, какъ это слышалъ еще Шевыревъ, чтенія псалтири, ему не поднесутъ поминальныхъ блинковъ, но общій видъ Лавры, какъ она предстанетъ его глазамъ впервые, почти тотъ же что отражался когда-

то въ погасшихъ теперь очахъ властителей московскихъ и всероссійскихъ, въ кроткихъ очахъ маститыхъ святителей церкви, когда-то глядѣвшихъ на Лавру съ любовью, въ лютыхъ глазахъ поляковъ Сапѣги, Лисовскаго и Чаплинскаго, зарившихся на Лавру, но не смогшихъ взять ея; такъ же точно отражалась она и въ безконечномъ количествѣ глазъ всякихъ паломниковъ и паломницъ, разошедшихся отсюда и полегшихъ въ родную землю въ разныхъ мѣстахъ, за пять долгихъ вѣковъ. Сколько свѣта горѣло въ этихъ глазахъ и какъ глубоко погасли бы они, еслибы не было надежды и вѣрованія... а въ дѣлѣ вѣры Сергіева Лавра сдѣлала много, очень много!

Почти въ центрѣ Троице-Сергіевой Лавры, въ широкомъ кольцѣ, имѣющемъ болѣе версты въ окружности, ея древнихъ стѣнъ, осѣняемыхъ высокими маковками соборовъ и колокольни, вышками башенъ и длиннымъ гребнемъ зданія трапезы, скромно ютится довольно большой обелискъ изъ дикаго камня, въ 14 аршинъ вышиной, повѣствующій надписями своими о томъ, что три были несчастныя для «Россіи времена» и въ нихъ-то именно Лавра «сохра-

ненію отечества содѣйствовала и спомоществовала». Эти времена: татарское иго, злоключеніе отъ поляковъ и стрѣлецкіе мятежи. Характерно и очень наглядно для сравненія то, что обелискъ этотъ поставленъ въ 1792 году, то-есть въ тотъ именно годъ, когда во Франціи уже дѣйствовала кровавая революція и ослабѣвало христіанство! какая разница! странно и то другое совпаденіе, что комнатная икона несчастнаго французскаго короля Лудовика XVI, находящаяся въ одной изъ здѣшнихъ монастырскихъ церквей, въ Виѳаніи, словно бѣжала сюда, такъ какъ была привезена именно въ разгаръ революціи.

Но историческія указанія обелиска вовсе не говорятъ о томъ единственномъ, исключительномъ значеніи, какое всегда имѣла Лавра, не только въ перечисленныя времена печалей нашей исторической жизни, но и на самую суть этой жизни, на ростъ русской Державы, изъ смертельной розни удѣльныхъ княжествъ въ могущественное объединеніе Московскаго Царства. Если безконечно важны въ этомъ отношеніи заслуги митрополитовъ Петра и Алексія, то въ томъ же направленіи

еще безцѣннѣе заслуги основателя Лавры Святаго Сергія; самъ онъ и школа іерарховъ имъ образованная, имъ вдохновенная, стоявшая во главѣ Лавры, въ этомъ смыслѣ сдѣлала чрезвычайно много.

Наиболѣе цѣнною, касающеюся монастыря работой, остается и по сегодня описаніе его, сдѣланное, еще въ 1841 году, покойнымъ ректоромъ московской духовной академіи Горскимъ, профессоромъ церковной исторіи, авторомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій и открытій въ древней словесности русской; книга эта исправлена митрополитомъ Филаретомъ и дополнена архимандритомъ Леонидомъ. Очень важны также: «Путеводитель изъ Москвы въ Троице-Сергіевскую Лавру» Снегирева, «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» Шевырева, «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ» Муравьева, «Исторія, воспоминанія и замѣчанія на пути въ Троицу» Карамзина. Но все это въ значительной степени устарѣло, хотя и очень хорошо. Слѣдуетъ ожидать болѣе полнаго описанія, потому что изслѣдованія новѣйшихъ историковъ бросили новый свѣтъ на нѣкоторыя страницы бытія Лавры.

Еще при жизни Сергія, (род. 1319, ск. 1391), монастырь, начавшійся съ малой церкви и нѣсколькихъ келлій, построенныхъ имъ самимъ, съ нѣсколькихъ могилъ, вырытыхъ тоже имъ самимъ, основателемъ, являлся уже весьма значительнымъ и окруженнымъ поселками: лѣсная пустыня, въ ея молчаніи, была «искажена». Первыя средства на построеніе доставлены самому Сергію нѣкіимъ смоленскимъ архимандритомъ Симономъ, принесшимъ «въ руцѣ святому многое имѣніе». По сожженіи монастыря Едигеемъ, нѣсколько лѣтъ спустя по смерти основателя, онъ началъ отстраиваться снова, но все еще оставался огороженнымъ деревяннымъ тыномъ и имѣлъ постройки большею частью деревянныя. Особенно много сдѣлалъ для монастыря Іоаннъ Грозный и лучшія зданія принадлежатъ ему; хотя каменная ограда начала подниматься еще во время малолѣтства Іоаннова, но, какъ главныя средства, такъ и исключительныя распоряженія для ея окончанія, какъ, напримѣръ: разрѣшеніе брать даромъ, гдѣ бы по сосѣдству ни нашлись, камень и известь и то чтобы крестьяне ближнихъ мѣстъ не были занимаемы

никакими иными работами кромѣ построенія стѣны, доколѣ, стѣна не устроится,—сдѣланы и даны были Грознымъ. Каждое слѣдовавшее царствованіе совершало для многочтимой обители свое, и изъ описи, составленной въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, видно, что святыня монастырская, послѣ литовскаго погрома, красовалась опять во всемъ великолѣпіи, окруженная готовою стѣной въ 550 саженъ длины, съ 12 башнями, вооруженная 90 орудіями, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ въ память ихъ плѣненія отъ враговъ, называются «полонянками». Очень многое сдѣлано для монастыря митрополитомъ Платономъ, законоучителемъ Великаго Князя Павла Петровича, умершимъ въ 1812 году и покоящимся не вдали отъ Лавры, въ устроенной имъ Виѳаніи и, наконецъ, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, умершимъ въ 1867 году и покоящимся въ одной изъ церквей лаврскихъ, подъ вѣчное чтеніе Псалтири.

Кто изъ русскихъ не посѣщалъ Лавры? кто не помнитъ впечатлѣнія, производимаго ею, если подъѣзжать къ ней, а такъ именно и подъѣзжаютъ теперь, по желѣзной дорогѣ

съ южной стороны? именно отсюда, съ южной и западной стороны, смотрѣли когда-то на монастырь поляки и литовцы, какъ на недоступное лакомство, не поддававшееся ихъ жадности; почти такою же, съ очень малыми измѣненіями, должна она была представляться имъ, какъ представляется теперь и намъ. Мѣстность волниста и, несмотря на то что она вся густо застроена, нельзя не отличить того основнаго холма, той «маковицы», отъ которой идетъ древнѣйшее названіе обители «иже на Маковцѣ». Самъ Сергій въ одномъ изъ многочисленныхъ явленій своихъ людямъ говоритъ о себѣ: «азъ есмь Сергіе Маковскый».

Выше всего поднимается колокольня, въ сорокъ слишкомъ саженъ вышины, построенная по плану Растрелли; на ней висятъ не менѣе сорока звучныхъ языковъ колокольныхъ и во всѣхъ колоколахъ, вмѣстѣ взятыхъ, гудятъ, когда нужно, 8.600 пудовъ мѣди; если припомнить что маленькій валдайскій колокольчикъ, заливающійся и по нынѣ подъ дугами ямщичьихъ троекъ, тамъ гдѣ еще не глянула желѣзная дорога, а такихъ мѣстъ у насъ еще видимо-невидимо, что если такой колокольчикъ въ

два фунта вѣса слышенъ за версту и болѣе, то становится совершенно понятнымъ: какую внушительную, наступательную тьму темъ катящихся звуковъ можетъ послать въ воздухъ одна эта колокольня и какъ далеко слышенъ молитвенный голосъ монастыря. Но вѣдь въ монастырѣ имѣется и много другихъ колоколовъ и Лавра можетъ звучать вся цѣликомъ. Съ колокольни кругозоръ очень великъ; хорошо видна недалекая церковь села Деулина, воздвигнутая Царемъ Михаиломъ и его отцомъ-патріархомъ въ память знаменитаго мира, заключеннаго именно въ этомъ селѣ. Самый могучій голосъ принадлежитъ крупнѣйшему во всей Россіи изъ числа всѣхъ дѣйствующихъ колоколовъ «Царю колоколу», въ 4.000 пуд. вѣсу, перелитому при Елисаветѣ Петровнѣ изъ другаго, разбитаго, съ прибавкой къ нему 1.000 пуд. мѣди; онъ повѣшенъ около 130 лѣтъ тому назадъ. Между другихъ его товарищей одинъ—даръ боярина Бориса Годунова, другой—Царя Бориса.

Два другія сооруженія, выдающіяся изъ за стѣнъ въ общемъ видѣ Лавры, подъ кущами деревьевъ, это Успенскій соборъ и зданіе тра-

пезы съ церковью преподобнаго Сергія. Очень ясны по гранямъ обрамленія лаврскихъ стѣнъ ея девять башенъ; ближайшею справа высится Пятницкая, цвѣтомъ красная, слѣва—Водяная. На верху первой изъ нихъ устроены помѣщенія для студентовъ духовной академіи, мирно подготовляющихся къ исполненію своихъ будущихъ важныхъ обязанностей, а въ тяжелую годину осады именно на эту башню обращены были главныя усилія поляковъ: сюда стрѣлялъ панъ Лисовскій, сюда веденъ подкопъ, устье котораго найдено осажденными при одной изъ удачныхъ вылазокъ. На первомъ планѣ за рѣчкой Кончурой разстилается лаврскій садъ; онъ называется также Пафнутьевымъ, въ силу преданія о томъ будто бы сынъ стрѣлецкаго головы Пафнутій Сагалаевъ, во время стрѣлецкаго бунта, когда Петръ находился уже въ монастырѣ, узнавъ объ умыслѣ на жизнь его, поспѣшилъ сюда и сообщилъ объ этомъ Царю, гулявшему по саду; Царь поцѣловалъ юношу и повелѣлъ саду именоваться впредь Пафнутьевымъ.

Общее впечатлѣніе обители чрезвычайно богато; множество золотыхъ маковокъ искрят-

ся въ небѣ; пестрѣютъ краски зданія трапезы и куполовъ и все это объято кольцомъ бѣлыхъ стѣнъ, скрѣпленныхъ, спаянныхъ пестрыми башнями, стѣнъ изрѣзанныхъ бойницами и достигающихъ мѣстами шестисаженной вышины, при огромной ширинѣ въ три сажени. По стѣнамъ, по этой каменной, возвышенной дорогѣ совершаются крестные ходы; на этихъ же стѣнахъ является иногда Святой Сергій, когда, въ тяжелыя минуты жизни обители, считаетъ онъ это нужнымъ; являлся онъ, какъ извѣстно, въ станѣ нашихъ войскъ и подъ Казанью. Въ пестротѣ и блескѣ общей картины Лавры, полное, особенное единеніе даютъ всѣмъ раздробленныхъ частямъ ея зелень вѣковыхъ деревьевъ, разсѣянныхъ повсюду, и православные кресты на высшихъ точкахъ сооруженій. Вся совокупность ихъ, если глядѣть на нее издали, напримѣръ, отъ Виѳаніи, не лишена, какъ это замѣтилъ Муравьевъ, сходства съ блестящею золотомъ короною, лежащею на землѣ. Лавра окружена почти сплошными рядами слободскихъ и другихъ строеній, множествомъ лавокъ и торговыхъ ларей, вполнѣ необходимыхъ для вѣчно присущей и снующей здѣсь

пестрой толпы богомольцевъ и другихъ пришлыхъ людей. Замѣтные мѣстами по сторонамъ Лавры церкви и скиты составляютъ какъ бы архитектурное продолженіе ея въ далекую окрестность и исчезаютъ наконецъ вдали, въ волнистыхъ очертаніяхъ и синеватой дымкѣ чисто русскаго пейзажа.

Если въѣхать въ обитель въ святыя ворота подъ одною изъ башенъ, то почти всѣ главныя сооруженія становятся видимы сразу; между ними разбиты отѣненныя деревьями куртины, а по дорожкамъ уложеннымъ плитами толпится народъ. Отовсюду являются сюда люди, поклоняются святынѣ и, воспользовавшись болѣе или менѣе долго монастырскимъ гостепріимствомъ, уносятъ съ собою на память образки, четки, рисунки и книжки, всегда находящіеся налицо въ достаточномъ количествѣ; тутъ имѣется для этой цѣли своя живописная мастерская, помѣщающаяся въ одной изъ линій братскихъ келлій, съ 60 мальчиками, обучающимися, подъ руководствомъ іеромонаха, греческой живописи, а также литографія и фотографія, устроенныя въ Плотничной башнѣ. Въ Лаврѣ издаются также, съ

недавняго времени, по истинѣ почтенные «Троицкіе Листки».

Описаніе лаврской святыни, ея достопримѣчательностей, ея воспоминаній, можетъ быть сдѣлано или въ краткомъ, болѣе или менѣе живописномъ очеркѣ, или въ обстоятельномъ подробномъ изслѣдованіи. Въ очеркѣ должно быть намѣчено только главное, основное, красочное, достаточно яркое, однако, для того чтобы дать о Лаврѣ понятіе незнающему ея и воскресить полностью воспоминанія въ человѣкѣ посѣтившемъ святыню. Очень любопытно было бы, напримѣръ, подробное ознакомленіе рѣшительно со всѣми храмами обители, съ домомъ призрѣнія больныхъ и безпомощныхъ, съ лаврскимъ училищемъ, имѣющимъ до 250 мальчиковъ, съ гостинницами и помѣщеніями для странниковъ и странницъ, съ больницами, но все это общее у Троицкой обители съ другими. Слѣдуетъ ограничиться главнѣйшимъ, исключительнымъ, ей одной по праву принадлежащимъ.

Велика и внушительна каменная масса обители, но, какъ прятался нѣкогда Сергій въ своей пустынѣ, такъ что люди пришлые не могли признать его, такъ прячется въ ней,

едва замѣтная и не отовсюду своимъ одинокимъ, маленькимъ куполомъ видная — главная церковь Св. Троицы. Храмъ этотъ, въ которомъ въ двойной ракѣ почиваютъ мощи его основателя, стоитъ, вѣроятно, на томъ же мѣстѣ на которомъ нѣкогда срубилъ Святой Сергій свою деревянную церковку, въ которой, за недостаткомъ іерея, долгое время не совершалось даже литургіи. Эта церковка сгорѣла нѣсколько лѣтъ спустя по кончинѣ Сергія, въ нашествіе Едигея, въ 1408 году, и мѣсто на которомъ стояла она и стоитъ нынѣшній храмъ, нѣсколько лѣтъ пустовало, чему была своя основательная причина. Сергій, какъ извѣстно, умирая, заповѣдалъ братіи похоронить его не въ церкви Св. Троицы, а на общемъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ прочими усопшими братьями; онъ заповѣдалъ это, но только безъ «заклятія», чѣмъ обусловилось то, что братія, съ разрѣшенія митрополита Кипріяна, похоронили его все-таки въ церкви Св. Троицы; когда татары сожгли ее и воздвигнута была временно другая деревянная церковь Св. Троицы, то поставлена она была не на пепелищѣ старой, а въ сторонѣ, потому что старое мѣсто,

на которомъ подъ открытымъ небомъ покоился Сергій, предназначалось уже тогда на возведеніе каменнаго, болѣе богатаго храма, что и исполнено въ 1422 году, съ открытіемъ мощей.

Вѣроятно этотъ именно храмъ, безъ особыхъ, существенныхъ измѣненій, и взираетъ на насъ сегодня. Весьма не великій, девять саженъ въ длину и семь въ ширину, онъ, какъ сказано, остается скромнымъ и не особенно замѣтнымъ между другихъ сооруженій; надъ четырехскатною крышей поднимается на невысокой шеѣ одинокій луковичный куполъ; на немъ третья позолота, 1880 года, такъ какъ двѣ другія—Іоаннову 1556 года и позолоту средины XVIII вѣка, уничтожило время. Не болѣе прочна оказалась стѣнопись внутри храма, одѣвающая всѣ свободныя его поверхности, незанятыя иконами: со времени возникновенія храма она, въ 1854 году, возобновлена въ четвертый разъ, такъ что отъ первоначальныхъ работъ иноковъ Андрея Рублева и Даніила сохранились, можетъ-быть, частію одни только очертанія на темно-золотомъ фонѣ. Обиліе золота и серебра въ храмѣ этомъ кажется еще бо́льшимъ вслѣдствіе его малости, и мно-

гія сотни темнѣющихъ ликовъ въ оглавіяхъ, съ цатами и безъ нихъ, одухотворяютъ, въ особенности для того кто умѣетъ читать по нимъ, каменную и металлическую основу храма. Пятиярусный иконостасъ, полный иконъ, дважды обитъ серебряною позолоченною ризой; два основные столба, возвышающіеся между молящихся тоже обставлены крупными иконами, круглыя арки тоже блистаютъ изображеніями, а малыя иконы тянутся по верху, вокругъ всего храма, плотнымъ, драгоцѣннымъ поясомъ. Алтарная часть изобилуетъ свѣтомъ падающимъ отъ задняго окна. Къ серебру, облекающему иконостасъ, стѣны и столбы, слѣдуетъ прибавить серебро алтаря и тяжелой сѣни его украшающей (около 7 пудовъ вѣсу), серебряный семисвѣщникъ и дарохранительницу (9 фунтовъ золота и 32 фунта серебра) устроенныя иждивеніемъ митрополита Платона, серебро и золото царскихъ вратъ, украшенныхъ еще Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, громадный серебряный хоросъ, висящій посреди храма на цѣпяхъ (5 пудовъ вѣсу), еще три паникадила и многое множество лампадъ и богатыхъ церковныхъ утварей. Очень характерно что

въ дарохранительницѣ на престолѣ, небольшія фигуры апостоловъ сдѣланы изъ золота и одинъ только Іуда изъ мѣди; замѣчательный художественный пріемъ для выраженія сравнительной цѣнности изображаемаго. Между древнихъ иконъ много весьма замѣчательныхъ, но первенствующія, безъ сомнѣнія: чудотворный образъ Св. Троицы, обложенный золотомъ и каменьями еще въ 1600 году Царемъ Борисомъ, и образъ видѣнія Богоматери преподобнымъ Сергіемъ.

Но, главную святыню храма, духовный центръ его, составляютъ почивающія у южной стѣны, близь иконостаса мощи Св. Сергія. Когда-то будущій Грозный, едва увидавшій свѣтъ Божій младенецъ, былъ положенъ въ раку Преподобнаго, но этой прежней раки не существуетъ болѣе; извѣстно только, что она была мѣдная, рѣшетчатая, и что въ ней, до устроенія серебряной, почивалъ Преподобный; сохранился до сегодня деревянный гробъ въ которомъ мощи Сергіевы обрѣтены; гробъ этотъ перенесенъ въ Спасо-Виѳанскій монастырь. Святой основатель обители почиваетъ теперь въ двухъ ракахъ: первая, внутренняя, устроена

изъ серебра Грознымъ, вторая—внѣшняя, пожертвована Императрицей Анной въ 1737 году, имѣетъ болѣе 25 пудовъ вѣсу и, по витіеватому рисунку мелочей, и какой-то давящей грузности, вполнѣ сохраняетъ черты художественности рисунка, какъ ее понимали полтораста лѣтъ назадъ. Надъ ракой водружена тяжелая сѣнь. Многія негаснущія лампады окружаютъ ее, а въ головахъ горитъ вѣчный елей. Блескъ безчисленныхъ свѣчей, то и дѣло возобновляемыхъ, перебѣгаетъ живыми искрами по холоду драгоцѣнныхъ металловъ, и черное одѣяніе гробоваго монаха при мощахъ кажется отъ этого еще темнѣй.

Значительно инымъ является впечатлѣніе производимое второю святыней Лавры, Успенскимъ соборомъ. Пять луковичныхъ главъ его (изъ нихъ позлащена только средняя, а остальныя—голубыя, усыпаны золотыми звѣздами), бросаются прежде всего въ глаза путнику, одновременно съ колокольней и трапезой. Соборъ этотъ почти втрое больше Троицкаго, и на западномъ фронтонѣ его виднѣется чрезвычайно характерная, полная мысли, надпись: «Вѣдомому Богу». Поводомъ къ этой

надписи, по объясненію Снегирева, послужили митрополиту Платону, вопервыхъ, надпись, которую на одномъ изъ языческихъ храмовъ въ Аѳинахъ встрѣтилъ Апостолъ Павелъ и которая гласила: «Невѣдомому богу», и, вовторыхъ, слова пророка Давида: «Вѣдомъ во Іудеи Богъ». Соборъ этотъ — тоже каменное дѣяніе полувѣковаго царствованія Грознаго, но оконченъ онъ и освященъ въ присутствіи Царя Ѳеодора и Царицы Ирины, годъ спустя по смерти Грознаго, т.-е. въ 1585 году; слѣдовательно онъ на полтораста слишкомъ лѣтъ юнѣе Троицкаго, что̀ и замѣтно въ очень многомъ. Соборъ очень свѣтелъ, потому что подъ каждымъ изъ пяти куполовъ, на такъ-называемыхъ барабанахъ или шеяхъ, расположено по восьми оконъ и, кромѣ того, по стѣнамъ храма, окна идутъ въ два ряда; въ этомъ обиліи свѣта проступаетъ очень ярко стѣнная живопись конца XVII вѣка, распространяющаяся рѣшительно повсюду, включительно до куполовъ; она подновлена въ концѣ XVIII вѣка и еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Очень высокій, пятиярусный иконостасъ устроенъ лѣтъ полтораста тому назадъ

и иконы его часто подновлялись; передъ девятью мѣстными иконами висятъ грузныя серебряныя лампады, даръ Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей; надъ престоломъ сѣнь, а запрестольный крестъ утвержденъ надъ двуглавымъ орломъ, выточеннымъ, согласно преданію, самимъ Царемъ Петромъ; въ алтарной части имѣются хоры. Широкій просторъ церкви вовсе не нарушается грузными основными столбами поднимающимися посрединѣ ея.

Какъ бы особою пристройкой къ собору является небольшая церковь преподобнаго Никона и юго-западный притворъ. Послѣдній устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ, по преданію, совершилось явленіе Богоматери Сергію; совсѣмъ свѣжая, 1879 года, стѣнопись притвора очень недурна; въ немъ имѣются три почтенныя гробницы. Такъ же какъ названный притворъ, слита воедино съ Троицкой и составляетъ съ нимъ одно дружески-родственное цѣлое церковь преподобнаго Никона. Какъ прислонился Никонъ, ближайшій ученикъ и преемникъ Сергія, къ своему наставнику, такъ пристроилась къ собору и его церковь, такъ что мощи ученика покоят-

ся подлѣ мощей учителя. При Никонѣ, какъ извѣстно, выжжена была обитель Едигеемъ въ 1408 году, но уже чрезъ три года воздвигнутъ новый храмъ Св. Троицы; при Никонѣ, въ 1422 году, явлены мощи Сергіевы; при немъ составлено жизнеописаніе Сергіево еще остававшимся тогда въ живыхъ ученикомъ Сергія Епифаніемъ. Никонова церковь значительно меньше малаго Троицкаго собора; она тоже блистаетъ золоченою главкою, серебряною одеждой иконостаса и раки Преподобнаго; любопытно сравнить характеръ стѣнописи наружныхъ стѣнъ ея, 1840 года, со стѣнописью внутреннихъ, 1635 года, трижды, впрочемъ, подновленной.

Когда-то у собора этого существовала паперть; въ ней положены были перенесенныя въ 1606 году изъ Москвы тѣла Царя Бориса, его супруги и сына, а затѣмъ подлѣ нихъ, въ заключеніе жизни исполненной глубочайшей грусти, опущена въ землю и дочь Борисова Ксенія. Паперть эта за ветхостью уничтожена, и усыпальница семьи Годуновыхъ осталась сиротѣть подъ открытымъ небомъ. Такъ и стоитъ она до сихъ поръ подлѣ сѣверо-

западнаго угла храма, грустная, молчаливая; это некрасивый кирпичный ящикъ, безъискусственный до грубости и какъ бы въ укоръ художественному творчеству, которое не сдѣлало здѣсь для него ровно ничего, все-таки вызывающій на многія, очень вѣскія мысли... Утверждаютъ будто на сѣверныхъ вратахъ собора былъ написанъ когда-то, по распоряженію самого Годунова, ангелъ страшнаго суда со скрижалями; что̀ видѣть въ этомъ? упрекъ, жалобу, угрозу или, наоборотъ, чувство страха? очень хороши слѣдующія слова объ этой усыпальницѣ Годуновыхъ, выше упомянутаго писателя-паломника Муравьева, сводящія къ нѣсколькимъ строкамъ всю великую скорбь, воплотившуюся въ годуновскую семью: «Временщикъ, цареубійца, Царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ къ престолу, пораженный со всѣмъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой

матери! сколько собственной крови за кровь отрока! о, да приметъ ее ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разрѣшительное: довольно!» Чудесныя слова полныя глубокаго смысла! а что̀ если, въ самомъ дѣлѣ, поверхъ всего этого можетъ возникнуть мысль о невинности Бориса, что Св. Царевичь Дмитрій убитъ не по его повелѣнію, какою удивительною силой облекаются тогда сразу и безъ того необыкновенно сильныя мысли, удачно подобранныя Муравьевымъ? примирительное настроеніе къ памяти усопшихъ, сказавшееся въ словахъ Муравьева о Борисѣ, замѣчательно какъ общая народная наша черта.

Относительно усыпальницы Годуновыхъ Снегиревъ вспоминаетъ въ своемъ разказѣ самыя характерныя посмертныя судьбы этой семьи. Гробъ Годунова, во иноцѣхъ Боголѣпа, былъ вынутъ изъ его Царской усыпальницы, выкинутъ въ особо пробитое отверстіе и опущенъ вторично въ землю въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ гробами супруги и сына; въ 1606 году гробы ихъ съ честію вынуты изъ этой земли и по-

хоронены въ трапезѣ Успенскаго собора, куда перевезено также по смерти Ксеніи тѣло ея изъ Суздальскаго монастыря; трапеза эта, какъ сказано, разобрана, и съ 1781 года гробница Годуновыхъ обнажена, сиротна, задумчива. Снегиревъ приводитъ по поводу усыпальницы чрезвычайно любопытныя характеристики Царевича Ѳеодора и Царевны Ксеніи, сдѣланныя современнымъ имъ писателемъ. Царевичъ былъ «отроча зѣло чюдно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, і яко кринъ вь полѣ цвѣтущъ: очи имѣя велики черны, лицо же ему бѣло-млечьною бѣлостию блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; наученъ бѣ ото отца своего книжному почитанию, во отвѣтехъ дивенъ и сладко рѣчивъ вельми». Еще лучше брата была Царевна: «отроковица чюднаго домышления, зѣлною красотою лѣпа, очи имѣя черны велики, свѣтлостию блистаяся, когда же въ жалости слезы от очию испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣлною блисташе; бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостию облиянна, возрастомъ не высока, ни ниска, власы имѣя чер-

ны, аки трубы по плечамъ лежаху... гласы воспѣваемыя любляше і пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше». Трудно сдѣлать лучшее, болѣе характерное описаніе въ нѣсколькихъ строкахъ, двухъ свѣтозарныхъ, неповинныхъ существъ, черныя очи которыхъ закрылись такъ тяжело и такъ безвременно.

По всѣмъ Годуновымъ, каждое 1мая, въ день смерти Борисовой, совершается въ Лаврѣ, соборнѣ, на опальной могилѣ ихъ, подъ звуки «Годуновскаго» колокола, панихида, причемъ на литургіи употребляются въ тотъ день драгоцѣнные вклады Годунова: сосуды, воздухи и покровъ на мощи Св. Сергія. Сколько поводовъ для глубокаго раздумья. Да, вполнѣ умѣстны вышеприведенныя слова Муравьева: «да приметъ ангелъ суда кровь всей семьи Борисовой на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Дмитріевою и скажетъ разрѣшительное: довольно!»

Церковь Св. Сергія, построенная во имя самого основателя обители, составляетъ только небольшую, хотя и главную часть третьяго крупнаго сооруженія Лавры, бросающагося въ глаза болѣе всѣхъ другихъ, а именно тра-

пезы, съ ея папертью; этому слитію церкви съ трапезой есть нѣкоторыя существенныя причины. Во первыхъ, страннопріимство введено въ обитель, вслѣдъ за общежитіемъ, при самомъ Сергіи, а въ зданіи трапезной, въ нижнихъ частяхъ ея, имѣются обширныя кухни и столовыя для богомольцевъ, никогда не оскудѣвающія. Во вторыхъ, въ чинѣ монастырскомъ, опять таки въ воспоминаніе основателя, существуютъ нѣкоторыя особенности трапезованія. Такъ, въ 1390 году, именно за трапезой, совершилось извѣстное чудо. Путешествовалъ тогда въ Москву изъ Перми Св. Стефанъ; монастырская братія сидѣла за обычною трапезой, какъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Сергій встаетъ съ мѣста и дѣлаетъ поклонъ на западъ, тихо проговаривая: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!» Спрошенный братіей о причинѣ этого неожиданнаго поклоненія кому-то, Сергій отвѣтилъ, что въ эту именно минуту, по пути въ Москву, идетъ епископъ Стефанъ, остановился противъ монастыря, поклонился Св. Троицѣ и братію благословилъ; посланные немедленно вслѣдъ

за этимъ братья поспѣшили на указанное Сергіемъ мѣсто и еще застали тамъ людей сопровождавшихъ Стефана. На этомъ мѣстѣ, на 9-й верстѣ отъ обители, поставлена часовня, а въ монастырѣ существуетъ обычай, ежедневно, во время трапезованія, ударять въ колокольчикъ, причемъ братья встаютъ, а очередной іеромонахъ произноситъ соотвѣтствующія слова. Вѣроятно нѣкоторое соотношеніе къ этому имѣетъ также торжественная трапеза, совершаемая только въ этой Лаврѣ, въ день ея праздника; московскій митрополитъ и братія, въ присутствіи множества народа, садятся за столъ, уставленный, какъ замѣчаетъ Муравьевъ, кубками и стопами древнихъ Царей, причемъ каждый сосудъ есть драгоцѣнность историческая, каждый обрядъ отголосокъ минувшаго; въ обычную минуту звонитъ колокольчикъ, совершается общій поклонъ, а въ концѣ трапезы всѣ подходятъ къ аналою, вкушаютъ хлѣба и пьютъ медъ изъ чаши подаваемой самимъ митрополитомъ.

Зданіе трапезной очень велико и бросается въ глаза пестротой окраски и музыкальностью основныхъ линій и подробностей. Открытая

галлерея, устланная чугуномъ, во сто саженъ длиной, окружаетъ зданіе; само оно имѣетъ длины 34 сажени, при ширинѣ въ 9 саженъ, и покрыто остроконечною крышей, подъ фигурчатымъ гребнемъ; наружныя стѣны играютъ разноцвѣтными красками; окна, по двѣнадцати въ длину, обрамляются колоннами. Церковь Св. Сергія помѣщается на одной изъ узкихъ сторонъ трапезной, и надъ ней устроена книгохранительница, имѣющая до 10.000 томовъ и рукописей; висящее передъ амвономъ мѣдное паникадило, съ 12 апостолами и изображеніемъ Спасителя, служащаго имъ центромъ, даръ Іоанна IV. Живопись внутри трапезной конца прошлаго вѣка, но она настолько подновлена, что слѣда прежней не имѣется; въ окнахъ изображены Сергіевы ученики, между оконъ—притчи, надъ трапезною разстилаются изображенія всѣхъ святыхъ, по стѣнамъ—изгнаніе торговцевъ изъ храма и Вознесеніе Богоматери, а надъ входомъ Воскресеніе мертвыхъ.

Расположенныя подъ трапезой кухни и хлѣбопекарня способны къ очень значительному производству, такъ какъ богомольцевъ бы-

ваетъ иногда, напримѣръ въ маѣ мѣсяцѣ, до 25.000 человѣкъ; на большіе мѣстные праздники собирается не менѣе 5.000 человѣкъ, причемъ наименьшимъ количествомъ, не менѣе 50 человѣкъ, отличаются весьма немногіе дни.

Много воздвигнуто въ Лаврѣ храмовъ и каждый изъ нихъ имѣлъ бы что поразсказать. Въ церкви Св. Духа почиваетъ знаменитый митрополитъ Филаретъ, умершій въ 1867 году; иконы иконостаса, сдѣланнаго изъ розоваго дерева, и все стѣнописаніе исполнены исключительно лаврскими живописцами, причемъ отъ живописи 1655 года не осталось и слѣда; подлѣ церкви этой устроена часовня, въ которой, подъ шумъ весьма бойкой торговли образками, книгами, четками, почиваетъ Преподобный Максимъ Грекъ.

Церковь Видѣнія Божіей Матери Св. Сергію и Михею хранитъ мощи послѣдняго. Слѣдуетъ упомянуть о томъ объясненіи, которое, какъ утверждаетъ іеромонахъ Никонъ, даетъ народъ тому факту, что на иконѣ изображающей это видѣніе, на Богоматерь смотритъ одинъ только Сергій, а Михей робко закрывается мантіей;

преподобный Михей дѣлаетъ это потому что, за три года до видѣнія, выпилъ чашицу вина и боялся оскорбить небесную Пришелицу своимъ дыханіемъ. При освященіи этой церкви, послѣ ея возобновленія, присутствовалъ, въ 1842 году, паломникъ - писатель Муравьевъ, и тогда именно сказана была митрополитомъ Филаретомъ, третьимъ настоятелемъ Лавры изъ школы митрополита Платона и любимѣйшимъ изъ его учениковъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдей. Знаменитая проповѣдь эта была сказана на ту благодарную въ художественномъ и ораторскомъ отношеніи тему, что онъ, митрополитъ, окруженный всѣмъ современнымъ великолѣпіемъ Лавры, желалъ бы подсмотрѣть пустыню Сергіеву въ ея первоначальномъ убожествѣ. «Кто покажетъ мнѣ, говорилъ святитель, малый деревянный храмъ... Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію... Отворите мнѣ дверь тѣсной храмины, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвы и воздыханій преподобнаго Сергія... Дайте мнѣ

облобызать прахъ ея сѣней... Укажите мнѣ еще другія сѣни, другой келліи, которую своими руками, въ одинъ день, построилъ Преподобный и получилъ за трудъ дня и голодъ нѣсколькихъ дней укрухъ согнивающаго хлѣба... Посмотрѣлъ бы я какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустыни, преподобный Никонъ спѣшно ростетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Сергія... Послушалъ бы я молчанія Исаакіева... Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, рано понявшаго, что полезнѣе быть послушникомъ Сергія нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ»... «Вѣдь это все здѣсь...» говорилъ знаменитый проповѣдникъ, и Муравьевъ свидѣтельствуетъ о необычайномъ впечатлѣніи, произведенномъ на народъ названною проповѣдью. Въ этой же церкви хранится правая рука первомученика Стефана и камень отъ гроба Господня, привезенный Муравьевымъ.

Всѣ другія церкви лаврскія: Рождества Іоанна Предтечи, Одигитріи, Казанской, Покрова, Зосимы и Савватія, Варвары и Анастасіи, весьма разнообразны, но рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о радѣніи русскихъ лю-

дей къ дому Сергіеву; полнѣйшимъ же свидѣтельствомъ этого радѣнія за цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ можетъ служить помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ особаго лаврскаго зданія, соединеннаго съ Троицкимъ Соборомъ, ризница.

Въ лаврской ризницѣ, какъ въ каплѣ водъ солнце, отражается все огромное былое Лавры, со всѣми его многоразличными особенностями. Если, какъ справедливо замѣтилъ Снегиревъ, вышитая серебромъ узловатая надпись на гробовомъ покровѣ Ксеніи Годуновой, хранящемся въ ризницѣ, ясно напоминаетъ превратности судьбы этой Царевны, то и многообразныя судьбы Лавры сказываются вообще въ предметахъ ея ризницы. Какое, напримѣръ, безконечное разстояніе отъ деревянныхъ, раскрашенныхъ красною краской служебныхъ сосудовъ Сергія, въ которые, при его священнодѣйствіи, сходилъ небесный огонь, не жегъ ихъ и не опалялъ самого Преподобнаго, отъ его крашенинной фелони, которой прикасались ангелы, когда они сослужили Сергію, отъ его кожаныхъ сандалій, тридцать лѣтъ лежавшихъ во гробѣ на его ногахъ, отъ его дере-

вянной трости, хранящейся при мощахъ, до тѣхъ золотыхъ, усыпанныхъ алмазами сосудовъ, которые пожертвованы Годуновымъ, Екатериной II, до цѣлаго ряда тяжкихъ, вслѣдствіе груза драгоцѣнныхъ камней, ризъ, воздуховъ, панагій, покрововъ и митръ, до зототаго посоха въ $6^1/_2$ фунтовъ вѣсомъ, унизаннаго, какъ трава росою, бриллiантами, яхонтами, изумрудами и подареннаго Александромъ II, въ день его коронованія, митрополиту Филарету? если, повидимому, требуетъ повѣрки оцѣнка въ полтора милліона рублей, сдѣланная въ сороковыхъ годахъ однимъ иностранцемъ, устроенной при митрополитѣ Платонѣ одежды на престолъ, то, во всякомъ случаѣ, вещевыя богатства Лавры очень значительны. Старѣйшее изъ Евангелій 1343 года; старѣйшій крестъ присланъ Св. Сергію патріархомъ Филоѳеемъ. Обладаетъ Лавра и очень многими предметами высокой цѣны не имѣющими духовнаго назначенія; упомянуть можно хотя бы о тѣхъ братинахъ и кубкахъ, которые при особенно торжественныхъ случаяхъ подаются на столъ. Вотъ, напримѣръ.

обращики двухъ надписей на этихъ братинахъ и кубкахъ имѣющіяся:

„Подивитеся вы нынѣ
Какъ у Сергія въ пустынѣ
Было прежде бѣдно, скудно,
Подивитесь же какъ чудно
Нынче послѣ всѣхъ лишеній,
Сколько въ Лаврѣ украшеній
Позднимъ годомъ Богъ явилъ
Всѣми благами снабдилъ".

„Братина добра человѣки, пити изъ нея за здравіе, хваля Бога, воспоминаючи его святыя заповѣди „чрезъ Апостола Павла: братіе, не упивайтеся виномъ" и т. д.

Всѣ богатства Лавры стекались въ нее по множеству причинъ; она владѣла, когда-то, болѣе чѣмъ 100.000 крестьянъ, крупными и многими землями. Не для себя хранила она богатства эти и хранитъ ихъ; много, очень много имѣлось случаевъ, когда она снабжала средствами Царей, Царицъ, отдѣльные города; особенно широко лились ея вспомоществованія въ тяжелые годы русской жизни, именно тогда когда все, казалось, все пропадало, и воздвизался преподобный Сергій.

Воздвигнулся онъ т. е. явился въ 1608—1610 годахъ, во время осады Лавры поля-

ками и русскими разбойными людьми. Село Тушино, въ которомъ утвердился тогда самозванецъ, откуда его прозвище, въ числѣ многихъ другихъ селъ, принадлежало Лаврѣ; овладѣть Лаврой значило имѣть въ своихъ рукахъ ключъ къ сѣвернымъ городамъ нашимъ и всему Поволжью, и этого-то не допустила обитель, выдержавъ 16мѣсячную осаду, измѣну, цынгу и другія напасти. На вражескую грамоту о сдачѣ обители, изъ нея отвѣчали что даже: «отроча въ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту... мы сія пріемше оплевахомъ». Осада началась. Отстрѣливались отъ непріятеля всѣ три боя лаврскихъ стѣнъ: верхній, средній и подошвенный; пронизивались ядрами ея иконы; кипятились для обливанія варъ, сѣра и смола; гудѣли взрывы подкоповъ, и все это при томъ условіи что стѣны Лавры, какъ это видно изъ грамоты Ѳеодора Іоанновича 1593 года, во многихъ мѣстахъ «попровалились», и особенно «утла» была западная стѣна, та именно, на которую, отъ Красной горы, шло главное нападеніе. До четырехъ крупныхъ штурмовъ, не считая мелкихъ нападеній, выдержали за-

щитники обители, до 35 вылазокъ сдѣлали они сами, причемъ, вспоминая Ослабя и Пересвѣта, старцы Ѳерапонтъ и Макарій, съ двадцатью братьями, садились на бранныхъ коней и удачно сбивали непріятеля. Не спалось въ Лаврѣ никому въ эти завѣтные 16 мѣсяцевъ; не дремалъ въ своемъ гробу и Св. Сергій и, неоднократно вставая, ходилъ по келліямъ, дворамъ и стѣнамъ и звалъ защитниковъ своего достоянія къ отпору.

Когда немного позже патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, въ 1619 году, посѣтилъ успокоенную и торжествующую Лавру, онъ пожелалъ видѣть тѣхъ иноковъ которые одѣвали броню ратную и, ко времени пріѣзда его, еще жили. Ихъ представилось до двадцати человѣкъ и старѣйшій изъ нихъ былъ Аѳанасій Ощеринъ, «зѣло старъ сый, и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ».—«Что̀ ти свойственнѣе», спросилъ Ощерина, патріархъ, «иночество ли въ молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми?»—«Всякая вещь и дѣло, владыко святый, отвѣтилъ Ощеринъ, въ свое время познается», и затѣмъ, обнаживъ сѣдую голову свою, показалъ ее и проговорилъ въ объясненіе:

«извѣстно ти буди, владыко мой, се подпись латинянъ на главѣ моей отъ оружія; еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются!»

Патріархъ разцѣловалъ старца «любезнѣе» и отпустилъ его и сподвижниковъ «съ похвальными словесы». Эти «шесть памятей свинцовыхъ» должно-быть такъ и имѣются налицо въ землѣ, въ могилѣ Ощерина.

За это тяжкое время, если можно такъ выразиться, очами, языкомъ и душою Лавры былъ знаменитый келарь ея Авраамій Палицынъ, оставившій намъ самое лучшее описаніе тѣхъ ужасныхъ, но славныхъ дней. Хотя очень много потрудился, во время названной осады, архимандритъ Іосафъ, а позже, до заключенія Деулинскаго мира, его преемникъ Діонисій, но истинно государственною дѣятельностію, желѣзною волей и неусыпностью, вліявшею на весь ходъ дѣлъ, даже далеко за границы Лавры, былъ Авраамій Палицынъ. Напрасно искать могилы его въ стѣнахъ Лавры: останки его покоятся далеко, очень далеко, въ Соловецкомъ монастырѣ, во дворѣ, подлѣ соборнаго храма.

Во время самой осады Палицынъ находился подъ Смоленскомъ, съ митрополитомъ Филаретомъ вмѣстѣ, въ посольствѣ отправленномъ къ королю Сигизмунду, для испрошенія на царство королевича Владислава; еще до того, при Шуйскомъ, Палицынъ дважды прокормилъ Москву лаврскими хлѣбами. Тайно покинувъ смоленское посольство, онъ возвратился именно къ тому времени когда «не существовало больше ни Царя, ни патріарха», когда, такъ-сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ польскимъ; Лавра сдѣлалась сердцемъ всей Руси, и настоятель ея Діонисій одинъ замѣнялъ всѣ власти. Отъ Діонисія и Авраамія полетѣли тогда призывныя грамоты, «въ которыхъ болѣзнованія о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много». Летѣли эти грамоты въ Рязань, Ярославль, Нижній, въ Казань, Владиміръ, Переяславль, Тулу, Калугу и понизовскіе города; призвали они Пожарскаго, Минина, Трубецкаго, Ляпунова, Волынскаго, Волконскаго; сама Лавра ставила стрѣльцовъ и снабжала снарядами и запасами. Самъ Палицынъ былъ поразительно неутомимъ: онъ умиротво-

рилъ возникшую въ войскахъ Пожарскаго въ Ярославлѣ смуту и съ тѣхъ поръ не покидалъ войска; онъ возвратилъ къ исполненію своего долга казаковъ въ вершительной битвѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Когда взятъ былъ Кремль, Палицынъ и Діонисій вступили въ запустѣвшій храмъ Успенія; оба они находились при избраніи Царя Михаила, имѣвшемъ мѣсто на Троицкомъ, а не на другомъ какомъ подворьѣ; именно Палицынъ возвѣстилъ народу, съ Лобнаго Мѣста, объ этомъ избраніи, и находился въ числѣ пословъ звавшихъ Царя на царство; благословилъ же на царство Михаила, приходившаго поклониться Св. Сергію, Діонисій.

Сочиненіе Палицына «Лѣтопись о многихъ мятежахъ»—первоисточникъ объ этомъ смутномъ времени; происходилъ родъ Палицыныхъ отъ знатныхъ новгородскихъ выходцевъ, отъ родоначальника Палицы, и не сказывается ли въ судьбахъ знаменитаго келаря преемственность смѣлаго, предпріимчиваго, воинственнаго духа его предковъ-новгородцевъ? чрезвычайно естественъ былъ вопросъ заданный въ 1842 году Цесаревичемъ Александромъ,

впослѣдствіи Александромъ II, митрополиту Филарету, показывавшему ему лаврскую святыню:

— Гдѣ же Авраамій?

— Погребенъ въ Соловецкомъ на своемъ обѣщаніи! тихо отвѣтилъ ему митрополитъ.

И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, поручено холоднымъ нѣдрамъ Соловецкой обители хранить останки этого горячаго русскаго сердца, бившагося въ самое тяжелое время? Авраамій, начавшій съ монашества въ Соловецкомъ монастырѣ, возвратился къ нему въ 1421 году и умеръ въ глубокой старости «на своемъ обѣщаніи». Что̀ значатъ эти туманныя слова? справедливы ли имѣющіяся на Авраамія нареканія? не пора ли вспомнить о келарѣ, и мѣсто ли ему лежать подъ холоднымъ небомъ странъ архангельскихъ, тогда какъ въ Троицкой Лаврѣ еще довольно мѣста для многихъ великихъ дѣятелей русскихъ, которые, конечно, народятся. Замѣчательно, что даже историкъ Карамзинъ, столь чуткій къ признанію характерностей крупныхъ дѣятелей, касается Авраамія какъ бы вскользь, урывками, и въ послѣднихъ главахъ

безсмертной «Исторіи Государства Россійскаго», могучая личность Палицына какъ бы задвинута цѣлымъ сонмомъ другихъ безконечно менѣе важныхъ людей! повидимому, и у Карамзина не слагался еще въ полной желательной ясности обликъ великаго келаря, отправленнаго въ Соловки и спящаго тамъ «на своемъ обѣщаніи».

Не исключительно замкнутыми въ стѣны высятся храмы и зданія лаврскія; многіе кресты, часовни, скиты, церкви и монастыри, находящіеся въ прямой связи съ нею, словно отклики главнаго аккорда, гудя своими колоколами, виднѣются по всѣмъ сторонамъ ея внѣ ограды и уходятъ въ синѣющую даль. Кто же не слыхалъ и не знаетъ о юнѣйшихъ по времени Геѳсиманскомъ скитѣ и Виѳанскомъ монастырѣ?

Въ Виѳаніи, въ трехъ верстахъ отъ Лавры, почиваетъ создатель ея знаменитый митрополитъ Платонъ, умершій въ 1812 году, о которомъ Муравьевъ говоритъ, что не имѣлось у насъ послѣ Стефана Яворскаго такого замѣчательнаго лица въ іерархіи, какъ онъ. Митрополитъ Платонъ очень любилъ приро-

ду и самъ насадилъ виѳанскую рощу, густо разросшуюся по направленію къ пруду; онъ повидимому думалъ даже, если можно такъ выразиться, ввести природу въ архитектуру церковную, потому что этимъ только можно объяснить, хотя отчасти, ту игривую мысль, которая лежитъ въ основаніи устройства вмѣсто иконостаса каменной, покрытой мохомъ горы Ѳаворской и постановку гроба самого храмоздателя какъ бы въ пещерѣ. Сюда же перенесенъ и деревянный гробъ Св. Сергія, въ которомъ обрѣтены мощи его.

Влѣво отъ пути въ Виѳанію идетъ дорога на Геѳсиманію, устроенную не менѣе знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ. Шевыревъ обращаетъ вниманіе на то, что на постройку этого убѣжища духовнаго упокоенія и молитвы не употреблено ни одного изъ матеріаловъ добываемыхъ въ нѣдрахъ горъ, что одна только растительная природа дала свой матеріалъ и что сосновые срубы церкви, перенесенной сюда изъ села Подсосенья, церкви построенной еще при архимандритѣ Діонисіи, несмотря на третье столѣтіе своего существованія, невредимы. Фи-

ларетъ почиваетъ, какъ сказано, не здѣсь, но въ Лаврѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа. Онъ умеръ въ 1867 году, на 85 году отъ рожденія. Родившись при Екатеринѣ II, онъ удостоенъ былъ совершенно особаго довѣрія Александра I; онъ вѣнчалъ на царство Николая I и Александра II и являетъ одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ особенно быстраго шествованія въ смыслѣ служебныхъ отличій; такъ, архимандритомъ назначенъ онъ 29 лѣтъ отъ роду, на 42 сдѣланъ митрополитомъ, на 51 удостоенъ высшаго ордена Андрея Первозваннаго. Много есть еще людей помнящихъ его невысокій ростъ, худобу, блестящіе, необычайно подвижные глаза, его знаменитыя, дѣйствительно ораторскія проповѣди, для которыхъ въ послѣдніе годы жизни у него не хватало голоса. Слабый отъ природы, митрополитъ Филаретъ обладалъ громадною ученостью; одинъ перечень того, что преподавалъ онъ разновременно свидѣтельствуетъ объ этомъ: краснорѣчіе, риторика, философія, догматическое богословіе, исторія и древности церковныя. Въ долгіе годы своей дѣятельности часто стоялъ онъ очень

близко къ рѣшенію не только духовныхъ, но и высшихъ государственныхъ вопросовъ, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ справедливо сказано о немъ, что онъ «былъ не представителемъ эпохи; онъ самъ и былъ эта эпоха». Кто изъ людей внимательныхъ къ книжному дѣлу не знаетъ книжки «Государственное ученіе Филарета», въ которой собраны и изложены взгляды его на строй государства и общества, по разнымъ существеннымъ вопросамъ; превосходны параллели имъ намѣченныя между государствами запада, гдѣ «народы объюродѣли» и Россіей покоющеюся въ Самодержавіи?.. безсчетны изданія его «Катихизиса» и «Начатковъ христіанскаго Православнаго ученія»; утверждаютъ будто его рукѣ принадлежитъ манифестъ 19 февраля 1861 года; кто не знаетъ, наконецъ, чтобы вспомнить о мелочи, его стиховъ Пушкину? въ послѣдніе годы его жизни не существовало отличій, которыя могли бы быть даны ему. 17 сентября 1867 года имѣлъ онъ во снѣ видѣніе своего отца, сказавшаго ему «береги 19 е число»; о видѣніи этомъ тогда же сообщилъ Филаретъ намѣстнику Троицкой Лавры; 19 сентября и

19 октября, ожидая смерти, причащался онъ; причастился также и 19 ноября, и отслуживъ литургію, во второмъ часу дня, дѣйствительно найденъ бездыханнымъ. Онъ умеръ въ Москвѣ. Зазвонили тогда колокола Ивановской колокольни, и, перевезенный въ Троицкую Лавру только 28 ноября, по совершенно исключительному, почти Царскому, церемоніалу, гробъ его преданъ землѣ.

Мы заканчиваемъ летучій, краткій очеркъ Троице-Сергіевой Лавры и ея бытія. Сколько воспоминаній, сколько поученій, сколько молитвы! говорить о Лаврѣ можно-бы въ безконечность, да и какъ не говорить о ней когда сынами ея, съ благословенія самаго великаго изъ нихъ, св. Сергія, являлись митрополиты Платонъ и Филаретъ? а самъ святой Сергій? не напрасно сдѣлано было Муравьевымъ, приведенное нами выше, сравненіе лаврской святыни въ ее совокупности съ короною лежащею на землѣ.